

ГАЛИНА КОЛОСКОВА

КАВКАЗ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ета жена

18+

Галина Колоскова

Кавказ. Не та жена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73004377

SelfPub; 2025

Аннотация

Племянница и её подруга, совсем юная, с длинными чёрными волосами и слишком яркой помадой, сидят на кровати. Между ними рассыпаны фотографии. Распечатанные, гляцевые, живые...

Успеваю рассмотреть кое-что, пока они не сгребают их в кучу. Сердце ухает вниз.

– Сколько тебе лет? – слышу собственный голос, словно со стороны. Он, становится плоским, безжизненным, чужим.

Девчонка удивлённо поднимает на меня бровь.

– Двадцать. Вы пришли готовить еду и на мой праздник тоже. Мы родились с Зариной в один день. Это наш первый совместный праздник.

Закрываю глаза.

Двадцать. Моей дочери сейчас тоже двадцать. Я вдруг вспомнила, что видела эту девочку у нас дома. Мой муж взял в жёны подругу собственной дочери?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Галина Колоскова

Кавказ. Не та жена

Пролог

Аминэт

Смотрюсь в зеркало. Сама себе сегодня очень нравлюсь. Ни единого седого волоска в густых чёрных волосах. Большие карие глаза, густые ресницы, румянец на щеках. Я никогда не была худой. Пышная грудь, тонкая талия, длинные ноги. Настоящая восточная красавица. «Моя сладкая булочка», – называет меня Накар, мой муж. Отлично понимаю, как действую на мужчин, которые до сих пор отводят глаза при встрече со мной.

– Не унывай, Аминэт! – подмигиваю я отражению. – Возраст только цифра. Самое лучшее у тебя ещё впереди.

Мне сорок лет. Чувствую себя лёгкой двадцатилетней девушкой. Старшие дети выпорхнули из гнезда, младший только что уехал с друзьями, а Накар в командировке.

Несколько часов полной, ничем не обязанной тишины – вот неожиданный для меня подарок на день рождения племянницы мужа. Хочу отправиться в гостевую комнату, сразу как поздравлю Зарину.

Я поднимаюсь по лестнице в её комнату. В руках тарел-

ка с двумя кусками её любимого пирога. В доме, в который я приехала помочь с готовкой, шумно. Пахнет жареным мясом, запечёнными овощами, сладкой выпечкой, праздником.

В такие моменты чувствую себя частью большой семьи Тугушевых. Пребываю в отличном настроении.

Дверь в комнату Зарины приоткрыта. Слышу сдавленный девичий смех. С улыбкой на губах захожу внутрь. Смотрю вперёд. Зарина и её подруга, совсем юная, с длинными чёрными волосами и слишком яркой помадой, сидят на кровати. Между ними рассыпаны фотографии. Распечатанные, глянцевого, живые...

Успеваю рассмотреть кое-что, пока они не сгребают их в кучу.

Сердце ухает вниз. Всё вокруг меня застывает. Мир становится зеркалом, в которое смотрелась минуту назад. Оно трескается на тысячи острых осколков. В тонкое хрупкое стекло моей жизни запустили булыжником...

На всех снимках мой муж. Накар. Его могучее тело, улыбка, которую знаю двадцать три года. Он обнимает девушку, что сейчас сидит передо мной. Целует её в макушку. Держит на широких плечах маленького мальчика с двумя пальцами во рту. На одной фотографии он смотрит на новорожденного младенца с таким обожанием, с каким никогда не смотрел на наших детей.

Воздух выходит из лёгких единым, беззвучным стоном. Тарелка с пирогом тяжелеет в руке. Я не дышу. Сердце не

бьётся. Оно разорвалось где-то внутри, и теперь по груди растекается ледяная, густая пустота.

– Тётя Аминэт! – взвизгивает Зарина, стараясь быстро, слишком быстро сложить фотографии в бумажный пакет.

Её огромные глаза глядят виновато, испуганно. А взгляд её подруги... В больших чёрных глазах нет ни страха, ни смущения. Только лёгкое любопытство и наглая победа молодости над зрелостью.

И тут я понимаю. Абсолютно всё. Эта девушка не случайно сидит в комнате его племянницы. Это не случайные фотографии. Это та, о ком он однажды пытался со мной договориться.

«Четыре года назад. Наша кухня. Он массирует мои плечи. Сильные руки, привыкшие ломать противников на та-та-та, кажутся нежными.»

– Аминэт, – его голос звучит раздумчиво. Словно пробуя собственные слова на вкус. – А как ты отнесёшься к тому, если я... Ну, если я решу взять вторую жену? По нашей вере это допустимо.

Я тогда рассмеялась. Искренне, от души. Повернулась к нему, обняла мускулистую руку.

– Дорогой, у тебя есть на примете одинокая многодетная вдова или покалеченная женщина, которой нужна помощь и кров? – спрашиваю его, зная Коран и сунну лучшего новоявленного «верующего». – Приводи несчастных в дом. Я вместе с тобой им помогу. Будем заботиться о них.

Тогда он отпрянул, как от огня. Лицо потемнело от злости.

– Ты всё всегда превращаешь в шутку! – прошипел он и ушёл, громко хлопнув дверью. Не появлялся дома несколько дней. А потом вернулся, как ни в чём не бывало. И большие мы никогда не заговаривали о новой жене. Я решила, что это была разовая мужская причуда. Минутная слабость. Он всегда был... активным. Выполнял супружеский долг усердно, не давал повода подозревать его в неверности. Считала, что и я, его законная жена, вполне справляюсь со всеми «обязанностями». Я родила ему троих наследников. Содержала дом в идеальной чистоте. Мыла ноги ему и его родителям. Никогда не перечила. Я была идеальной. Оказалось – просто удобной.

И всё это время... он... эту девушку».

– Сколько тебе лет? – слышу собственный голос, словно со стороны. Он, становится плоским, безжизненным, чужим.

Девчонка удивлённо поднимает на меня бровь.

– Двадцать. Вы пришли готовить еду и на мой праздник тоже. Мы родились с Зариной в один день. Это наш первый совместный праздник.

Закрываю глаза.

Двадцать. Значит, он привёл в дом ровесницу моей дочери! Моей дочери сейчас тоже двадцать. Я вдруг вспомнила, что видела эту девочку у нас дома. Несколько раз она приходила к Марем. Накар взял в жёны подругу собственной доче-

ри? Пока я стирала его носки и готовила ему любимую еду, он строил новый дом. Не для вдовы. Для юной, упругой, пахнущей молодостью плоти.

Четыре года лжи. Двойной жизни. Четыре года, пока я, глупая, стареющая дура, верила в его уважение, в нашу сложившуюся, комфортную жизнь.

Я смотрю на Зарину. Смотрю на её мать, свою золовку, появившуюся в дверях с испуганным лицом. Они всё знали. Все. Весь большой, сплочённый клан Тугушевых, в который я вошла восемнадцатилетней девочкой.

Они улыбались мне за обеденным столом, хвалили мои пирожки, целовали меня в щёку. Принимали от меня подарки. Любили сшитые моими руками наряды. А за моей спиной тихо, по-родственному, обсуждали, как Накар справляется с двумя жёнами. Я была всеобщим посмешищем. Почтенной, но обманутой первой женой.

Во рту стоит вкус медной горечи. Меня сейчас вырвет прямо здесь, на их светлый ковёр. Я должна уйти. Я не могу здесь оставаться ни секунды! Этот дом, эти люди, их ложные улыбки – они отравляют меня.

Я не говорю ни слова. Я просто разворачиваюсь. Отдаю тарелку с пирогом золовке, что тянет ко мне руки, и ухожу. Иду через гомонящую гостиную, где тут же все замолкают и провожают меня взглядами – сочувствующими, любопытствующими, злорадными. Ещё бы! Эта дурочка пришла готовить на день рождения второй, но молодой и любимой же-

ны мужа. Я не вижу их. Взгляд упирается в расплывчатый туннель, ведущий к выходу. К спасению.

Сажусь в свою машину – большую, дорогую, блестящую игрушку, которую он купил мне, чтобы подчеркнуть свой статус. Все должны видеть, как хорошо Накар Тугушев содержит свою первую жену. Содержит. Как домашнее животное...

Захлопываю дверь. Тишина салона оглушает. И тут меня накрывает. Волной. Цунами. Я тону, не понимая, в какой стороне берег.

Сорок лет жизни вдруг перестают существовать. Всё – ложь. Всё – прах. Мой муж – чужой, лживый, отвратительный человек. Мои дети... В груди ледяной, тянущий холод. Боже, мои дети знали? Дочь? Она дружит с этой девчонкой. Марем знала и молчала?! Предала? Меня, свою мать? Обидно, стыдно до боли в висках. Я осталась совсем одна. В громадном, пустом, звенящем от боли мире.

Позор... Такой позор, что хочется выть! Но одновременно – дикая, яростная, незнакомая мне сила зарождается в душе. Я не могу стерпеть предательство. И не буду это терпеть. Ни секунды. Ни минуты. Заберу самое необходимое и никогда не вернусь во дворец, ставший золотой клеткой. Не смогу смотреть ему в глаза. Не стану делить его с девочкой, что годится мне в дочери.

Хожу по дому из комнаты в комнату, как в тумане. Руки кидают документы в сумку. Плохо соображаю, где я, кто я,

что я?.. Очнулась в машине. С силой сжимаю руль. Не уверена, что смогу разжать пальцы. Смотрю на них, невидящими глазами. Взгляд падает на пассажирское сиденье. Там, пристёгнутая ремнём, как самый важный пассажир, стоит моя старая, верная швейная машинка «Сингер». Я взяла её сегодня утром, чтобы отдать Зарине – она просила научить её шить занавески. Ирония судьбы. Горькая, ядовитая насмешка.

Я смотрю на эту машинку. На единственное из крупных вещей, что взяла из прежнего дома. Украшения, шубы, деньги – ничего из этого. Только её. Потому что она – это я. Настоящая. Та, которая могла часами шить мягкие игрушки, прихватки со смешными мордочками, диванные подушки, от которых дом становился уютным. Та, которую задавили, задвинули, заставили забыть о себе.

Слёз нет. Они просто не могут пробиться сквозь ледяной панцирь боли и ярости. Я дышу. Один раз. Глубоко. Потом ещё. И включаю зажигание. Рычание мотора звучит как мой собственный внутренний рёв.

Я не знаю, куда еду. Не знаю, что ждёт меня завтра. Всё, что было да этого – закончилось. Осталась сорокалетняя, публично опозоренная женщина. И швейная машинка на пассажирском сиденье.

Мы едем с ней в «никуда». В новую жизнь. Как только окончательно разберусь со старой.

Глава 1

Аминэт

Стою на пороге знакомого с детства, родительского дома. Пахнет жареным луком, корицей и теплом, которого больше нет в помпезном трёхэтажном дворце. Здесь меня всегда любили, баловали. Мною гордились. Я росла папиной умницей, маминой радостью. Отличница, медалистка. Впитывала знания как губка, а отец ласково трепал меня по щеке и говорил: «Зачем тебе это, дочка? Твоя наука – быть хорошей женой и матерью».

И я послушалась. Я всегда его слушалась. Вышла замуж, едва закончив школу. Без любви. За мужчину старше меня на пятнадцать лет. А сейчас мне сорок. Мой мир рухнул. Мне некуда идти, кроме как к ним. Родители должны меня понять. Они обязаны меня поддержать.

Мама открывает дверь. Полное лицо сначала расплывается в улыбке, но застывает, взглянув в мои пустые глаза.

– Аминэт, девочка моя? Что случилось? – заглядывает мне за спину с вопросом: – Где Накар?

– Мама... – всё, что могу выдавить из себя. Комок подкапывает к горлу. Я вхожу в дом. Дверь закрывается за спиной с тихим щелчком, звучащим контрольным выстрелом.

Отец в гостиной, смотрит телевизор. Он оборачивается, и так же как мама смотрит за мою спину. Густые брови ползут

вверх от удивления.

– Ты одна? А где муж?

Опускаюсь на стул напротив родителей. Складываю ладони на коленях, чтобы они не тряслись. Чувствую себя школьницей, получившей плохую отметку. Говорю ровным, монотонным голосом. Словно зачитываю доклад о чужой жизни. Про фотографии. Про девочку. Про ребёнка. Про четыре года лжи. Про то, что все знали о второй жене Накара. Все, кроме меня.

В комнате повисает тяжёлое, давящее молчание. Мама перестала перебирать край фартука. Отец не смотрит на меня. Он смотрит в пространство перед собой. Властное лицо становится каменным. Удивления нет. Получается, что родители тоже в курсе предательства?!

– И что ты сделала? – наконец произносит отец голосом без эмоций.

Пожимаю плечами, говорю. Как есть.

– Подала на развод. Я не смогу с ним жить.

Молчание. Затишье перед бурей. Оно густое, липкое, как смола.

– Дура, – тихо, но очень чётко говорит отец. Я вздрагиваю, словно он ударил меня.

Уже понимаю, что защиты от отца не получу. Но надежда умирает последней. Пытаюсь достучаться до сурового сердца. Жалостливо протягиваю:

– Папа...

– Дура! – он бьёт ладонью по столу с такой силой, что я взвизгиваю. – Кто тебе дал право принимать такие решения? Ты думала головой? Нет! – морщинистое лицо багровеет. — Ты подумала о нас? О семье? Нет! Ты подумала о детях? Нет! Ты подумала только о своих обиженных чувствах!

Вот и ответ. По его мнению, женщина не имеет права устраивать свою жизнь самостоятельно. Красивое приложение к мужчине.

– Он женился на подруге дочери! – кричу в ответ так, что голос срывается на визг. – На ровеснице Марем! Он несколько лет врал мне, глядя в глаз! Жил на две семьи.

– Накар мужчина! – гремит отец. – Он обеспечивает тебя. Живёшь, ни в чём себе не отказывая. Муж построил тебе дворец! Ни разу тебя не обижал! Ну, нашёл себе развлечение. С кем не бывает? Ты должна быть мудрее! Принять вторую жену! Закрывать на это глаза! А не устраивать публичный скандал! Ты опозорила нас! Опозорила уважаемую фамилию! Своих детей!

Смотрю на него и не верю своим ушам. Это говорит мой отец? Тот, кто читал мне сказки на ночь? Тот, кто носил меня на плечах и говорил, что я самая умная и красивая? Властное лицо искажено гримасой гнева и... стыда. Ему очень стыдно за меня. За мой поступок. Не за Накара. За меня!

– Мама? – я обращаюсь к ней, к последней надежде. Глаза единственной дочери полны слёз, но она смотрит в пол.

Мама переводит затравленный взгляд с отца на меня.

– Доченька... Послушай папу. Он прав. Это такой позор...
– она качает головой. В глазах неподдельный ужас. – Все будут указывать на нас пальцем... – Её узловатые пальцы глядят мне руку, тонкий голос шепчет с мольбой: – Милая, поезжай домой. Попроси у Накара прощения. Скажи, что одумалась. Он хороший муж, он простит. Главное – сохранить семью.

У меня перехватывает дыхание. Сохранить семью. Какую? Ту, где муж живёт на два дома? Где родственники годами скрывают ложь? Я чувствую, как почва уходит из-под ног окончательно. Последние опоры рушатся, и я падаю в бездну.

Звонит телефон. Марем. Моя дочь. Моя кровиночка. Целую экран, Хватаюсь за смартфон, как утопающий за соломинку. Она должна меня понять. Она же женщина. Принимаю вызов, но не успеваю сказать ни слова.

– Мама, что ты натворила?! – голос дочери звонкий, сердитый, без капли сочувствия. – Папа в ярости! Что за истерика?

Выходит, мужу уже доложили, что я делала в ЗАГС-е. Его номер я заблокировала, так он решил действовать через детей. Был бы в городе, уже утащил бы назад в дом.

– Марем, ты знаешь... Ты знала про Лейлу? – спрашиваю жалобным шёпотом, надеясь услышать «нет».

– Конечно, знала! Она моя подруга! Лейла классная! Мам, ну правда, будь проще. Папа тебя не бросает! Он тебя обо-

жает! Что вам с Лейлой делить? Вы разные. Его любви хватит на обеих. Мы сможем теперь проводить вместе время! Общаться как сёстры! Это здорово!

Меня тошнит. Прямо там, в родительской гостиной выворачивает наизнанку от слов ещё одной предательницей. Как сёстры? Дочь предлагает мне дружить с любовницей отца? Не через неё ли Накар познакомился с Лейлой?

– Он изменил нам, – шепчу я, чувствуя себя совершенно раздавленной. – Предал нашу семью.

– Не драматизируй! – отрезает она. – Все мужчины такие. Ты портишь нам жизнь своими принципами. Вернись, извинись перед папой и перед Лейлой. Не позорь нас!

Она сбрасывает вызов. Сижу опустив голову со смартфоном в руке. Я только что разговаривала не с моей дочерью. С чужим, жестоким человеком, который целиком и полностью на стороне отца. Потому что отец – это сила, власть, деньги. А я – всего лишь обиженная жена, «живущая по дурацким принципам».

Пишу сообщение старшему сыну. Коротко объясняю, что происходит. Он читает. Долго набирает ответ. Приходит сухое, назидательное сообщение: «Мама, наша вера позволяет мужчине иметь до четырёх жён, если он может их содержать. Отец следует канонам. Ты поступаешь неправильно, поддаваясь эмоциям. Ты вводишь семью в грех и смуту. Одумайся». Я пишу Сталику, младшему. Он отвечает через час: «Ма, у меня сессия. Разбирайтесь сами как-нибудь».

Плечи опускаются. Я совершенно раздавленная. Вот и всё. Всё моё материнство. Вся моя любовь для них ничего не значит, если решаюсь сказать «нет» отцу. Бессонные ночи, переживания, уроки, приготовленная еда, выстиранная и выглаженная одежда. Ничего не значат. Всё это упирается в стену полного равнодушия или откровенного предательства. Как будто это он их рожал, вынашивал, кормил грудью. Как будто только его кровь течёт в их жилах. Я для них – приложение к отцу. Удобное, тихое, а теперь вдруг взбунтовавшаяся.

Я поднимаюсь с кресла. Ноги ватные.

– Куда ты? – хмурится отец.

– Я поеду.

– Домой? К мужу? – в голосе матери проскальзывает надежда.

Боюсь говорить правду. Отвечаю уклончиво.

– Не знаю. Просто поеду.

Я выхожу из их дома. Родители не пытаются меня остановить. Не обнимают, не плачут вместе со мной. Они сидят в уютном коконе стыда, условностей, и ждут, что я одумаюсь, переступлю через себя. Ради их спокойствия. Ради его репутации. Ради того, чтобы на них головы не легло пятно позора. Больно настолько, что не могу дышать. Иду, шатаюсь, сфокусировав взгляд на одной точке. Иначе упаду и останусь лежать никому не нужной у дома тех, кто меня родил.

Сажусь в машину, закрываюсь. Мозг укутывает тишина.

И в этой тишине раздаётся едва слышный, протяжный звон – это рвётся последняя ниточка, связывающая меня с прежней жизнью. С семьёй. С мужем. С детьми. Я больше не мать. Не дочь. Не жена.

Я одна. Совершенно одна на всём белом свете. И позор, о котором они все так кричат... Он не мой. Их позор – в молчании, в лицемерии, в предательстве. А моя единственная вина в том, что жила, оградившись от мира. Ничего кроме семьи не видела и не слышала. Потеряла себя. Я слишком долго была послушной женой и терпела.

Завожу машину. Чтоб выжить, не потеряв окончательно остатки гордости, я должна уехать. Подальше от дворца с призраками моих иллюзий. Пока сама не превратилась в один из них.

Глава 2

Аминэт

Я еду, пару минут ничего не соображая. Куда – не знаю. Куда глаза глядят. Лишь бы подальше от того ада, который был моим домом. Руки на руле дрожат, и я сжимаю его ещё крепче, до боли в костяшках. В голове – каша. Обрывки фраз отца, голос дочери, каменное лицо мужа... Нет, не мужа. Накара. Он больше не мой муж. Он – опасный, лживый мужчина, четыре года водивший меня за нос.

Дорога уводит из центра города на окраины. Сворачиваю куда-то наугад, и вдруг знакомый до тошноты адрес всплывает в памяти. Я слышала, как Марем вызывала не один раз такси именно сюда, говорила этот адрес по телефону, хихикала, собираясь в гости «к подруге». Сердце сжимается в ледяной комок. Я знаю, куда я еду. Не могу не поехать. Я должна увидеть, где Накар поселил новую игрушку. Должна окончательно убить в себе всё, что продолжает надеяться, цепляться, верить.

И вот я на тихой, ухоженной улице с новыми, богатыми домами. Я вижу тот самый дом. Современный, в три этажа, с панорамными окнами в пол, с колоннами и огромным участком. Не дворец. Замок – обнесённый высоким кирпичным забором. Он больше, гораздо вычурней и ещё наглее, чем мой. Наш... Его.

Тот дом Накар построил для меня – законной, уважаемой жены. А для юной наложницы – сомневаюсь, что их зарегистрировали в ЗАГС-е – он соорудил нечто совершенно фантастическое. Чтобы произвести впечатление. Чтобы заткнуть её рот золотом и мрамором. Чтобы молодая дурочка визжала от восторга. И забывала, что старый муж чуть не каждый день спит с другой. Такой же красавицей. Матерью других его детей. Постаревшей копией счастья.

Останавливаю машину напротив кованых ворот. Смотрю и не могу оторваться. Во мне клокочет что-то тёмное, уродливое, ядовитое. Ревность? Нет. Это не ревность, а дикое, всепоглощающее чувство несправедливости.

Я отдала ему лучшие годы. Была верной женой, образцовой хозяйкой, инкубатором для его детей. Мыла ноги его родителям! Никогда, ни разу не посмотрела на другого мужчину. Я заслужила его уважение. А он...

Он построил дворец для девчонки, которая и школу-то толком не закончила. Потому что она моложе. Потому что у неё упругое тело и нет своего мнения. Потому что он – олимпийский чемпион, и во всём должен быть лучше других. В бизнесе, в статусе, в количестве жён. И чтобы дома были самые крутые.

Вспоминаю, как мы начинали. Мне восемнадцать. Я почти не понимала, что происходит. Он – взрослый, тридцатидвухлетний мужчина, уже состоявшийся, знаменитый спортсмен. Он казался мне богом. Могучим, непоколеби-

мым. Я боялась его. Боялась не угодить, не так посмотреть, не то сказать. Родители сияли от счастья – их дочь сделала блестящую партию. А я слушалась. Как меня учили.

Помню нашу первую брачную ночь. Я плакала от страха и боли. Он был груб, нетерпелив. Воспринимал меня как законную собственность. И с тех пор так и продолжалось. Я стала любимой вещью. Красивой, ухоженной, выставленной напоказ куклой. С моей стороны любви не было. Никогда. Была привычка. Привязанность рабыни к щедрому хозяину. Я научилась уважать Накара за силу, за умение обеспечивать семью. Даже гордилась им. Но никогда восторженно не бежала к двери, заслышав его шаги. Сердце не трепетало от его прикосновений. Это была сделка. Моя молодость, моя покорность – в обмен на его деньги и статус. Я думала, что так живут все. Что это и есть норма.

Единственный раз, когда возразила, был разговор о четвёртом ребёнке. Дети уже подросли. Появилось немного свободного времени. Я почувствовала вкус пусть крошечной, но свободы. Стала читать книги, смотреть фильмы, что не одобряла его семья. И когда муж заговорил о желании иметь шестерых детей, я впервые сказала «нет». Тихо, почти шёпотом, глядя в пол. Он тогда опешил. Смотрел на меня, как на сумасшедшую. Потом рассмеялся и спросил: «Шутишь?» Но я не шутила. Я упёрлась. Это был мой первый бунт. Трещина. Накар неделю со мной не разговаривал.

Но отступил. Я чувствовала себя победительницей.

А он, оказывается, нашёл себе другую, более послушную женщину. Лейла родит столько детей, сколько он захочет...

Слёзы застилают глаза. Горячие, обжигающие, горькие. Они текут по щекам, капают на одежду. Я не сдерживаюсь. Разрешаю себе эту слабость. Здесь, в машине, я рыдаю с подвыванием, в голос. Выплёвываю обиду и боль, сидя напротив помпезного символа предательства мужа и моего унижения.

Точка невозврата поставлена.

Я включаю первую передачу и трогаюсь с места. Больше не могу здесь оставаться. Еду, почти не видя дороги, повинаясь инстинкту. Естественному инстинкту бегства человека от хищника.

Вдруг вспоминаю Светлану, мою одноклассницу. Её звонкий смех, лёгкость принятия жизни. Она вышла замуж за школьного друга, простого трудолюбивого парня. Они живут недалеко от нашего города, в станице. Подруга из прошлой жизни писала мне в соцсетях, приглашала в гости. Я всегда отмахивалась – дела, дети, муж... А сейчас у меня нет ничего. Только швейная машинка на заднем сиденье.

Я набираю её номер. Руки трясутся.

– Алло? – слышится жизнерадостный, немножко хриловатый голос.

– Свет... это я, Аминэт, – мой голос срывается.

– Амиш? Что случилось? Ты плачешь?

– Я... – с трудом говорю сквозь всхлипывания: – Я могу к тебе приехать? Ненадолго. Мне некуда больше...

Она прерывает моё невнятное бормотание:

– Господи, конечно! Приезжай, немедленно! Я сброшу адрес. Что бы ни случилось, не плачь! Всё нормально, девочка моя, приезжай. Всё будет хорошо.

Её слова «девочка» и «всё будет хорошо» заставляют меня рыдать ещё сильнее. Потому что это сказала не родная мать, не дочь, а почти чужая женщина. В голосе говорившей со мной, было тепло и участие, которого я не услышала от самых близких людей.

Еду по навигатору. За город. Поля, лес, потом аккуратные домики небольшой станицы. Я ищу её дом. Не дворец. Не замок. Простой, но ухоженный дом с зелёной крышей и палисадником. Как в тех фильмах, что я тайком смотрела, мечтая о другой жизни.

Останавливаюсь у деревянной калитки. Ноги ватные. Я убита, унижена, растоптана. Я – позор для всей своей семьи. Жена, которой предпочли юную дурочку.

Калитка распаивается. Появляется улыбающаяся Светлана. В трикотажном платье, калошах на голую ногу. С седой в волосах, без косметики на лице. Она открывает дверь машины. Внимательно вглядывается в заплаканную физиономию одноклассницы. В серых глазах нет осуждения, нет любопытства, в них неподдельное сочувствие.

– Иди ко мне, – говорит она тихо, распаивая руки. – Иди

сюда, обниму.

И я делаю шаг. Шаг из прошлого в неизвестное будущее. Шаг навстречу людям, которые не отвернулись от меня в самый страшный день. И этот шаг даётся мне тяжелее, чем двадцать три года жизни с Накаром.

Глава 3

Аминэт

Я просыпаюсь от странной тишины. Не от гула большого города за окном, не от привычного когда-то щебета домоладцев, требующих завтрака. Не от гулких шагов Накара по мраморному полу. Тишина здесь иная. Глубокая, бархатная, нарушаемая лишь пением птиц за окном и размеренным тиканьем часов в соседней комнате. Я лежу на узкой, но удобной кровати в маленькой комнатке под самой крышей. «Времянка», – сказала Светлана. Для меня это – дом спасения.

Первые дни я живу словно тень. Призрак, занесённый в станицу случайным ветром. Стараюсь быть незаметной, тихой, прозрачной. Встаю раньше всех, чтобы помочь по хозяйству: расставляю по местам посуду, вымытую с вечера, протираю пыль, подметаю пол. Движения выверены, отточенные годами работы по дому. Я знаю, как сделать любое жилище идеально чистым. Это – моя единственная суперсила. Ублажать. Обслуживать. Быть полезной.

Без образования я смогу работать разве что уборщицей или горничной в отеле.

Светлана и её муж, Сергей, не одёргивают меня. Принимают помощь с лёгкой, едва уловимой грустью в глазах. Не хотят унижить отказом. Видят мою боль, смятение, всепоглощающий стыд, что сидит в душе, как заноза. Стыд брошен-

ной жены, опозорившейся дочери. Стыд матери, от которой отвернулись собственные дети.

Друзья не лезут с расспросами. Я почти не разговариваю. Отвечаю коротко, односложно. Мне нужно смириться с произошедшим. Сажу за столом с ароматными пирогами Светы. Комок в горле не позволяет проглотить и куска. Всё внутри сжалось в один большой, болезненный узел. По ночам почти не сплю. Лежу и смотрю в потолок, прокручиваю в голове один и тот же фильм. Фотографии. Улыбку той девочки. Каменное лицо отца. Предательские слова дочери. И этот дом-замок, памятник моему унижению. Я чувствую себя обманутой, использованной и выброшенной, как старый, отслуживший своё хлам.

На третий день в доме появляется дочка Светланы, Лена, с крошечным свёртком на руках. Внучка. Машенька. Ей всего месяц. Лена приехала погостить на недельку.

Смотрю на маленькое личико девочки, крошечные пальчики, и внутри всё сжимается от щемящей, знакомой боли. Нахлынули воспоминания о моих детях. Когда-то они были такими же маленькими, беззащитными. Вспомнила о любви, переполнявшей меня тогда. О наивной вере, что мы – семья навсегда.

Я помогаю Лене, как умею. Пеленаю малышку, кипячу бутылочки, гуляю с ними в саду. Мои руки помнят простые движения. Материнство – единственное, что не вызывает у меня чувства стыда или неловкости. Это – моё. Делаю помет-

ку в голове. Няня в детсаде. Вот где ещё я могу пригодиться.

На третий день Лена жалуется:

– Бортики в детской кроватке совсем старые, выцветшие, ещё мои, а новых в нашем магазине нет. Хочется, чтоб у дочки всё было самое лучшее, самое красивое. Эстетика важна для правильного воспитания.

И вдруг я это говорю. Слова вырываются сами, тихо, но уверенно:

– Я могу сшить.

Лена и Светлана смотрят на меня с удивлением.

– Правда? – глаза Лены загораются.

Я киваю. Да. Я могу. Шитьё – то небольшое, что было по-настоящему моим в прошлой жизни. Тайная отдушина. То, что я делала не для статуса, не для мужа, а для себя. Мне нравилось создавать красоту руками.

Светлана, не говоря ни слова, приносит мне коробку с тканями. Обрезки, лоскуты, остатки от заказов в ателье. Я роюсь в них. Пальцы, привыкшие к шёлку и бархату, с удовольствием погружаются в недорогой ситец и бязь. Выбираю ткани с миленькими рисунками – цветочки, зверюшки. Нахожу ленточки, кружева, тесьму. Для наполнителя распотрошили старую синтепоновую подушку.

Приношу свою верную «Сингер», устанавливаю на кухонном столе. И начинается магия. Та магия, что спасала меня в часы уныния. Крою, смётываю, заправляю нитку в машинку. Знакомый, убаюкивающий гул мотора действует на меня

лучше любого успокоительного. Весь внешний мир – боль, предательство, стыд – отступает. Остаюсь только я, ткань и рождающаяся под пальцами красота.

Я шью бортики. Не просто прямые полосы ткани. Я выкраиваю их в форме зверушек – мишка, зайка, лисичка. Пришиваю им глазки-бусинки, носики из пуговиц. Украшаю бантиками и рюшечками. С помощью наполнителя делаю их выпуклыми. Вкладываю в каждую строчку всю нежность, любовь, что осталась во мне нерастраченной. Не дающую дышать боль превращаю в нечто светлое, доброе.

Несколько часов работаю, не отрываясь. Творю, не думая ни о чём. И чувствую, как понемногу, по миллиметру, ледяная глыба, что сдавила мне грудь, начинает оттаивать. Появляется лёгкость. Первая за эти кошмарные дни.

Наконец, всё готово. Я несу бортики Лене. Она смотрит на них, и на глаза наворачиваются слёзы.

– Тётя Аминэт... Это же просто сказка! – прижимает подушечки к груди. Говорит с восторгом: – Такой красоты нет ни у кого!

Тут же бежит устанавливать их в кроватку. Я стою рядом. Смотрю как сшитое моими руками изделие преобразует пространство детской комнаты. Делает его уютным, волшебным.

Машенька лежит в обновлённой кроватке и улыбается в никуда беззубым ртом. Светлана обнимает меня за плечи и тихо говорит:

– Спасибо, девочка моя. Отбрось уныние, хватит съедать себя чувством вины. Нет её! Видишь? У тебя золотые руки. Они могут творить чудеса.

Губы сами собой растягиваются в улыбку. Ощущение лёгкости, нужности. Первая, крошечная искорка. Не счастья, нет. Слишком рано для счастья. Но – жизни. Понимания, что я ещё что-то могу. Что я не только брошенная жена и опозоренная мать. Что я могу создавать. Дарить радость. Быть полезной не потому, что должна, а потому, что хочу.

Я возвращаюсь в свою комнатку, и впервые за эти дни слёзы, что текут по щекам, не горькие. Они – очищающие. Это слёзы катарсиса. Я нашла свою отдушину. Свой крошечный плацдарм в рухнувшем мире. И его имя – творчество.

Глава 4

Аминэт

Накар приезжает на четвёртый день. Узнаю рокочущий звук его внедорожника, разрывающий тихую мелодию станционного утра. Сердце от страха уходит в пятки, замирает, а потом начинает биться с бешеной силой. Чувствую, как кровь отливает от лица. Становится трудно дышать.

– Он нашёл меня! – я инстинктивно отшатываюсь от окна. Испуганным ребёнком вжимаюсь в стену. Двадцать три года повиновения сминают меня в комок одним звуком его мотора.

Светлана смотрит на меня, потом на дверь. Лицо одноклассницы не бледнеет, а становится собранным, твёрдым.

– Сиди тут, – коротко бросает она мне и выходит на крыльцо, хлопая дверью.

Я слышу его шаги – тяжёлые, уверенные, властные. Так он ходит по нашему дому, обозначая своё право на любое пространство.

– Где она? – низкий, привычно командный голос, не терпящий возражений. – Аминэт! Выходи немедленно! Хватит этого цирка!

Я не двигаюсь. Ватные ноги подкашиваются. Во рту сушь. Чувствую тот же животный страх, что и в семнадцать лет. Страх не угодить. Ослушаться. Вызвать гнев.

– Вы к кому? – спокойно, даже немного лениво спрашивает Светлана.

– Не валяй дурака, Света! Ты знаешь, зачем я. Отдай мне мою жену. Она нагулялась, пора домой!

Он мог отследить машину по камерам, или вообще по моему телефону. Почему не подумала об этом раньше? Уверена, он собрал всё, что можно на семью подруги.

– Она не вещь, чтобы её «отдавать», – парирует Светлана. – Аминэт здесь гостя. И если она не хочет выходить, то не выйдет.

Слышится короткий, издевательский смешок.

– Что? Ты мне сейчас укажешь на дверь? В моём доме она делает, что я скажу, а уж здесь и подавно. Аминэт! Последний раз говорю! – его голос гремит, становясь опасным.

Я делаю шаг. Потом другой. Сила привычки, вбитая в подкорку, сильнее страха. Я выхожу на крыльцо. Накар стоит передо мной огромной горой. Властное лицо искажено презрительной гримасой гнева. Он смотрит на меня так, будто я что-то неприятное, что прилипло к его подошве.

– Ну, наконец-то. Собирай вещи. Поехали, – и поворачивается, чтобы уйти, абсолютно уверенный, что я послушно поплетусь следом.

– Я никуда с тобой не поеду, Накар, – словно издали слышу собственный голос. Он тихий, но чёткий. И абсолютно чужой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.